

ТОМАС ХЭМПСОН:

ТО, ЧТО СЕГОДНЯ НАЗЫВАЮТ ПРОПАГАНДОЙ, Я БЫ НАЗВАЛ ЛОЖЬЮ

Среди наиболее именитых гостей Московской филармонии в нынешнем сезоне – всемирно известный бас-баритон Томас Хэмпсон. Один из артистов, определяющих лицо оперного театра последних десятилетий, выступил в Зале Чайковского с Владимиром Юровским. В числе прочего музыкантов объединяет пристрастие к австро-немецкому репертуару рубежа XIX–XX веков: под управлением Юровского Хэмпсон неоднократно исполнял сочинения Цемлинского, Р. Штрауса и «Песни на стихи Рюккерта» Малера, украсившие и его московский концерт. Три дня спустя Хэмпсон представил программу «Тенорам вход воспрещен», где его партнером стал Лука Пизарони.

О своем отношении к бесплатным трансляциям и о выживании в пору пандемии, о темных сторонах человеческой натуры и об особенностях Зальцбургского фестиваля Томас Хэмпсон (ТХ) рассказал Илье Овчинникову (ИО).

ИО У вашего партнерства с Владимиром Юровским давняя история: вы работали вместе еще в 2001-м над «Евгением Онегиным» в Метрополитен-опере...

ТХ ...когда мне впервые пришлось выучить и спеть партию на русском! Владимир изменил мою жизнь, я отношусь к нему с огромной любовью и уважением. Ему тогда не было и тридцати, но его образование, культура, бэкграунд, музыкальность поражали, я им восхищаюсь. Мы с тех пор много всего делали вместе – Штраус, Цемлинский, Малер; для меня большая радость и честь выступить здесь с ним. Один из самых блестящих молодых музыкантов, которых я когда-либо встречал.

ИО Вы оба равнодушны к австро-немецкой музыке рубежа XIX–XX веков. Чем она так вам дорога?

ТХ Для меня эпоха *fin de siècle* – своего рода сокровищница, где многое накапливалось десятилетиями и за короткое время вдруг расцвело. За тридцать лет между 1885 и 1915 годами мир изменился так стремительно, как не менялся в истории человечества прежде никогда. Ревизии подверглось все: вопросы материализма, метафизики, религии, сексуальности, не говоря уже о новом понимании снов, бессознательного. Все сотрясало, вибрировало, ставились вопросы, часто не находившие ответа, но прежде не задававшиеся. А в мире музыки пали границы формы, выразительных средств, чего угодно, и музыка обрела совершенно новую роль. Момент, когда были впервые сформулированы принципы так называемой атональности, – точка такой силы, что впечатляет нас и теперь. Даже, может быть, сильнее, чем тогда, когда это могло казаться просто желанием провоцировать. А это было самое настоящее новое мышление. Сегодня трудно представить себе, что из-за «Просветленной ночи» Шёнберга люди были готовы драться! Когда мы в последний раз видели драку в концертном зале?! (Смеется.) Не говорю, что стоило бы ее увидеть, но мысль об этом меня завораживает.

ИО На концертах Юровский нередко говорит о болезнях нашего времени и об ответственности музыканта, чье искусство особенно нужно больному обществу.

ТХ Полностью согласен! Думаю, это касается каждого артиста, особенно в его родной стране. В Америке, в Германии и особенно в Австрии я, как и Юровский у вас, хорошо известен тем, что постоянно напоминаю: мы не должны заниматься музыкой для избранных,

ФОТО: JIMMY DONELAN

она должна принадлежать в первую очередь детям, у них есть преимущественное право знать, что такое язык музыки. Человеку думающему, да еще и знаменитому в своей стране, как Владимир, важно высказываться на подобные темы. Да, я хорошо понимаю: слушатели, купив билет на оперу с моим участием и особенно на мой концерт, хотят услышать Шумана, или Малера, или Доэрти, или Бернштейна. А не мои размышления, тем более политические, которые навязывали бы определенную точку зрения. У меня абсолютно твердые убеждения насчет недопустимости дискриминации людей в зависимости от сексуальной ориентации, пола, цвета кожи, всего, что составляет гражданские права. Независимо от политической системы, ограничение

прав человека мне отвратительно. И на это мы обязаны реагировать.

ИО Мне доводилось неоднократно слышать вас в Зальцбурге; что для вас значит Зальцбургский фестиваль?

ТХ О, с ним столько связано! Не меньше двадцати фестивалей я отпел. Начинал в постановках Жан-Пьера Поннеля, спел множество концертов... Не знаю, какой из них у меня любимый – любимый у меня сам фестиваль, память о проведенном там времени очень мне дорога. Я устраивал серии концертов, посвященные Вольфу, Дворжаку, американской песне, пел в операх и концертах с Арнонкурром, Заваллишем, Тилеманом, пел «Доктора

Фауста» Бузони... Все могу перечислить, и все будет любимое! *(Смеется.)* Что действительно важно – чтобы фестиваль сохранял свою уникальность в музыкальном смысле, и тогда он останется местом, где летом звучит лучшее из лучшего. Так я его воспринимаю: великий фестиваль, где должны происходить великие события.

ИО Среди ваших Зальцбургских проектов выделяется цикл «Запрещены и изгнаны», посвященный композиторам – жертвам нацизма. Тем летом вы пели Жоржа Жермона в той самой знаменитой «Травиате» и вполне могли бы удовольствоваться семью ее исполнениями. Почему такой большой работы вам было мало, чтобы во время фестиваля устраивать что-то еще?

ТХ 2005 год, конечно, был особенным из-за «Травиаты» с Нетребко и Вильясоном... Почему ее мне не было достаточно? В тот момент я так не ставил вопрос, но отчасти вы правы: мне необходимы концерты, программы, где я мог бы смешивать композиторов и поэтов на свой вкус, пытаюсь постичь и показать, кто мы такие и как уживаемся друг с другом. Проект «Запрещены и изгнаны» был для меня невероятно важен, я неоднократно представлял его в разных версиях, в том числе с Дэниелом Хоупом. Недавно была годовщина «Хрустальной ночи», о чем никогда нельзя забывать, и тогда же я читал статью в *The Guardian*, согласно которой сегодня пятьдесят процентов студентов не знают, что такое Холокост. Это забвение помогает популизму, фашизму вновь завоевывать умы. Я не еврей, но предан еврейской культуре и всей душой воспринимаю трагедию евреев в XX веке. Я – артист, и все, что я могу, – выразить нашу жизнь, представить человеческую натуру в звуках и видимых образах, на концерте или в опере. Больше всего я люблю то, как рождается музыка, и этим одержим.

ИО Проект «Запрещены и изгнаны» поражал еще и своей щедростью. Он состоял из двух вечеров, первый – ваш обычный лидерабэнд, второй же – грандиозная четырехчасовая программа с двумя антрактами, где участвовали и другие певцы и где прозвучало шестьдесят песен! Как вам удалось все это собрать на фоне «Травиаты»?

ТХ Во-первых, все, кого я пригласил, согласились. Во-вторых, составляя программу, я хотел представить максимум композиторов и поэтов, какой только возможен. «Запрещены и изгнаны» – это не просто о нацизме, это о человеческой натуре. Расизм, будь он направлен против евреев, черных, китайцев, кого угодно, порожден нашей психикой – на ее примитивном, племенном уровне: этот – «наш», тот – нет. Вот чего мы должны остерегаться. Хорошо продуманной программе необходима важная мысль, та или иная: ты даешь людям

два-три часа на то, чтобы они могли задуматься о самих себе, решить что-то важное. Вас просто не могут не тронуть песни композиторов, которые писали их, зная, что обречены. И, кстати, для подобных проектов необходимы фестивали с такой инфраструктурой, как Зальцбургский! Это было бы невозможно почти больше нигде.

ИО Продолжая тему незнания о Холокосте и не только: волне ностальгии по СССР подвержены в России и те, кто родился уже после 1991 года, а иные российские политики говорят о распаде СССР как о крупнейшей трагедии XX века.

ТХ Как Томаса Хэмпсона, гражданина, меня очень волнует то, что происходит с пониманием истины и ее ценности. То, что сегодня называют пропагандой, я бы назвал ложью. Большинство консервативных движений становятся популярными, захватывая воображение образом идеального мира, которого больше нет. Мы привыкли называть это ностальгией, а между тем в XIX веке это был медицинский термин, когда кто-то будто бы вспоминал о чем-то, чего на самом деле никогда не происходило – только в его воображении. Это был диагноз, как и меланхолия, которую теперь называют депрессией. И если ностальгия – жизнь в вымышленной реальности – политически окрашена, она превращается в пропаганду. А люди поддаются

Лука Пизарони и Томас Хэмпсон

ФОТО ИЗ АРХИВА КАТРИНЕ ПИЗАРОНИ

этому, не слишком задумываясь. Я не верю в «культурную политику», но верю в политику, важное место в которой занимает культура. Трехминутная песня подобна острову, куда любой может мысленно отправиться. Подобен острову и концерт – место, где люди могут как бы ненадолго остановить течение времени. Как артист я могу показать другим лучшее и худшее в человеке, чтобы было ясно: такими мы не хотим быть, а вот такими хотели бы.

ИО Как и где вы провели первые месяцы локдауна?

ТХ Это был шок: увидеть, как в один миг твоя профессия вычеркнута из реальности. Для каждого артиста, будь то хоть Пласидо Доминго. Я принял это как неизбежность; мне предстояла мировая премьера («Девушка с жемчужной сережкой» Стефана Вирта в Цюрихской опере. – И.О.), теперь она перенесена на 2022 год. А тогда ей был отведен в моем календаре большой период, он вдруг освободился, неожиданно подарив мне отпуск, – так я к этому и отнесся. Правда, без возможности ходить в магазины, рестораны, но мы живем в Швейцарии и много гуляли в горах, ходили в пешие походы. Помимо этого, я активно сотрудничаю с замечательной стриминговой платформой Idagio. Мы решили запустить несколько серий интервью онлайн. Сам я вел две – о жанре песни и о классической музыке в целом – и был все это время очень занят, за год сделав около ста

тридцати бесед. Но как только появился минимальный шанс выступить, меня в июле 2020 года пригласили спеть в Цюрихе, что было потрясающе: даже при ограниченном количестве публики ты чувствуешь, как все соскучились по живой музыке.

Затем – несколько концертов осенью, и снова локдаун: финансово это настоящая катастрофа для классической музыки. Особенно для артистов, которые ничего не получили за отменившиеся спектакли и концерты. У меня, допустим, есть сбережения, я жил на то, что должно было стать моей пенсией, и, по крайней мере, выжил. А многим коллегам нечем платить за обучение детей, за жилье, и стоило бы помочь им. Но компенсацию в пять миллионов долларов получают не они, а их агентства. Я очень зол по этому поводу и делал, что мог, помогая другим, но время для нас тяжелое. Публика вынуждена искать другие возможности досуга, и мы рискуем ее потерять. Но я не вижу, чтобы интенданты, директора агентств и оркестров писали статьи, где размышляли бы о том, как будет жить наша отрасль после пандемии. Скажем, на все генеральные репетиции можно было бы приглашать студентов – это так просто, но никто этого не делает. И много других подобных вещей можно придумать, понимая, что мы все уже не те, что жизнь изменилась навсегда и что надо искать в этом свои плюсы.

ИО В начале пандемии на публику обрушилась волна трансляций, в том числе из Метрополитен-оперы...

ТХ ...где Питер Гелб решил сделать их бесплатными, хотя у меня есть контракт на отчисления с них, и я на это живу! А нам навязали новые контракты с минимальными выплатами; свободный доступ к каталогу, который позволял нам зарабатывать, был просто безумием. Но теперь публика думает: зачем столько платить за классическую музыку? Наша индустрия – свой собственный враг, она не может жить в башне из слоновой кости в отрыве от реальности. И если вы в один день решаете бесплатно показывать видео из каталога, который годами строился совсем на другой бизнес-модели, значит, сначала надо задуматься о том, как ее поменять. Иначе получается, что все великие моменты, которые хранит этот каталог, финансово контролируются узкой группой лиц. Но эти возможности открывают нам совершенно новый мир в настоящем и будущем, и я с самого начала был активным участником проекта The Met: Live in HD. Я хочу, чтобы у людей была музыка, чтобы она помогала менять нашу жизнь к лучшему каждый день, как и все мы хотим.

ИО Вы нередко говорите о себе как о человеке ленивом. Этого никак не скажешь по тому, сколько всего вы успеваете.

ТХ (Смеется.) Я могу быть разным, в том числе и очень ленивым. Думаю, иногда это нужно. И очень люблю лениться. Но я не лентяй. Быть лентяем глупо.